

МЕАТР
им. В. Маяковского

РАЗДУМЬЯ ОБ ИСКУССТВЕ

Искания

Н. ОХЛОПКОВ

28 ноября в Московском театре имени В. Маяковского общественность столицы отметила 60-летие народного артиста СССР Николая Павловича Охлопкова и 40-летие его творческой деятельности.

Выдающегося режиссера-новатора, замечательного артиста пришли поздравить почитатели его таланта — рабочие московских предприятий, представители Советской Армии, писатели и драматурги. Его приветствовали артисты всех столичных театров, эстрады и цирка. А делегация кинематографистов вручила Николаю Павловичу «приказ» о зачислении его постоянным работником киностудий.

— Чего мне сейчас хочется? — так начал свое выступление юбиляр. — Мне хочется работать, работать, работать...

Замечательные слова! В них — весь Охлопков. За 40 лет своей творческой деятельности Николай Охлопков встречался со многими талантливейшими мастерами искусства нашего времени — М. Горьким, В. Маяковским, А. Серафимовичем, В. Шишковым, А. Фадеевым. Он открыл целые созвездия ярких антерских талантов. Режиссеру и актеру Охлопкову есть о чем рассказать не только зрителям, но и читателям.

Сейчас Николай Павлович работает над книгой «Искания», в которой рассказывает о большом и сложном пути художника-первопроходца, художника-коммуниста. Мы публикуем отрывки из будущей книги Н. П. Охлопкова.

РАБОТА в театре — трудная, серьезнейшая. Она требует отдачи всего себя, всех своих мыслей, всех нервов, всего дыхания, вечного напряжения, непрерывных поисков и творческого беспокойства. И каждый день приносит новое. Ты словно плывешь по неведомому морю. Если ты жадно, страстно ищешь дали, то обязательно увидишь новое.

Да, это — как мореплавание. Ты ведь можешь открыть новые моря, новые земли, новых людей, новые миры. История искусства — это история непрерывных и смелых творческих поисков, дерзаний, глубоких исследований «белых пятен» на «карте театра» — самых сложных, самых тонких его секретов.

* * *

Были ли в мире Пушкина? Или Шекспира? Да, так можно спросить. И еще можно спросить: были ли вы в стране «Отелло»? Были ли вы в стране «Бориса Годунова»?

Каждая пьеса — это страна. Каждый автор и его сочинения — особый, непохожий на других мир.

Ради чего предпринимаются путешествия в эти миры и эти страны актерами, режиссерами, декораторами, композиторами и всеми другими художниками, создающими спектакль? В открытые миры и совсем еще неизвестные? Иногда по самым простым и в то же время великим причинам. Иногда же — по самым сложным, запутанным, противоречивым и поэтому трудно определяемым.

Хорошо, когда ясно: Ален Бомбар один пересек в маленькой резиновой лодке Атлантический океан за 65 дней. Во время этого путешествия, не имеющего себе равных в истории мореплавания, Ален Бомбар питался исключительно сырой рыбой, которую он ловил, а пил он только дождевую и морскую воду или сок, выдавленный им из рыб.

Для чего он все это делал в конечном счете?

Для того, говорят, чтобы доказать: люди, потерпевшие кораблекрушение, могут прожить длительное время в море без запасов пищи и воды, питаясь только тем, что они могут добыть в море.

Молодчинище этот медик! Он смело пустился в опасное путешествие, чтобы испытать на себе самом сроки, в продолжение которых человек может вынести всевозможнейшие лишения, перешагивая все нормы, обусловленные физиологией и моральной выносливостью.

Возьмите человека совершенно другой профессии, других привязанностей и интересов — великопнейшего пианиста Вана Клиберна. Он говорит: «Есть некоторые профессиональные музыканты и художники, предпочитающие творить только для себя. У них никогда не появляется желания доставить удовольствие людям... Однако для меня очень важно играть для людей...».

Ясно, просто, глубоко.

* * *

Вы думаете, что актер или режиссер пребывают в более благо-

приятных условиях, когда они отправляются в мир Шекспира или мир Пушкина, или мир Толстого, Достоевского, Лермонтова, Островского, Чехова, Горького, будучи внутренне к этому мало или совсем не подготовленными? Кто скажет, где больше трагических крушений испытывают люди — там ли, где вследствие ничтожного просчета гибнет траулер «Нотр-Дан де Пейраг», или же там, где происходит разлад художника с жизнью, где художник чувствует невозможность разрешить жгучие проблемы своего времени.

То и то тяжело.

Самое важное — знать для чего? Зачем? Во имя какой цели ты ищешь?

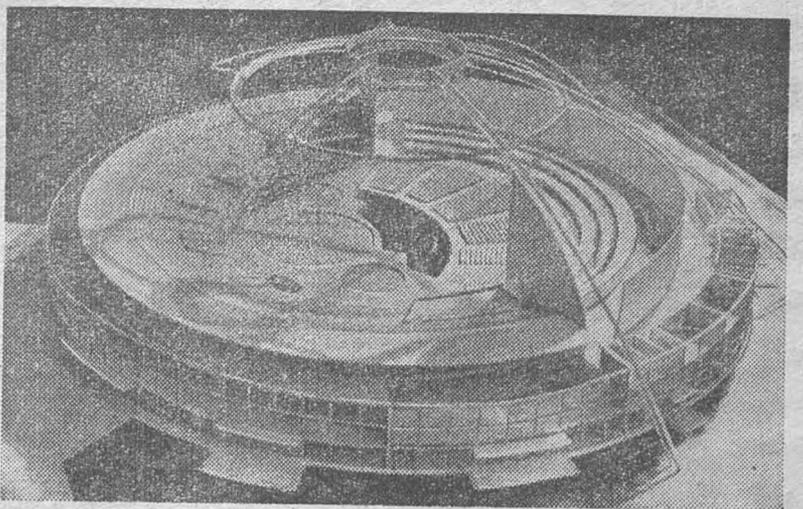
Самое важное — ясно и честно знать «для чего», чтобы не путать и себя и других и избегать половинчатых, расплывчатых решений. Не надо бояться в искусстве быть очень прямым, очень откровенным.

Во имя чего же — вспомним тут об этом! — совершил свой исключительный подвиг капитан Скотт в тот самый период, когда к Северному полюсу шел Пири, а капитан Скотт, вслед норвежцу Амундсену, на юг?

«Вперед, во славу отчизны!» — записывает Скотт в свой дневник, когда узнал, что у него есть опередивший его соперник — Амундсен.

Многие из нас, режиссеров, с трудом, с огромной одышкой, еле-еле доходят до заданного рубежа и, увы, часто узнают, что до нас уже побывали тут другие.

Но ничего! «Вперед, во славу отчизны!» И мы гордо идем дальше, собирая все силы, чтобы, если не открыты уже открытые, не изобрести уже изобретенное, то хотя бы

Так представляет себе Н. П. Охлопков театр будущего, над проектом которого он работает в содружестве с одной из мастерских Академии строительства и архитектуры СССР. Театр будущего — трансформирующийся театр. В нем для постановок спектаклей можно использовать и усовершенствованную «ренессансную» сцену-коробку, и аренную сцену в середине партера, и широкую кольцевую дорожку вокруг зрителей (с поворотом всего зрительного зала вокруг своей оси), и натуру за кольцевой дорожкой, и любые комбинации из этих элементов. Именно в таком театре Н. П. Охлопков мечтает поставить «Войну и мир» Л. Толстого, «Мать» М. Горького,

лишь исполнить свой долг: сказать, как труден и как велик был чужой подвиг.

Даже среди полного ледяного безмолвия коленеющими пальцами Скотт пишет жене:

«Как много мог бы я рассказать тебе об этом путешествии! И насколько это все же лучше, чем сидеть дома, среди всяческих удобств».

Кто из режиссеров не подпишет такое письмо, после того как он увидит, что еще ни он сам и никто до сих пор так и не «открыл» художественно на сцене такую гениальную пушкинскую ремарку, как «Народ безмолствует». Или когда режиссер лезет и лезет внутрь святой святой пьесы Чехова и... видит, что уже до него добрались до самой сердцевины мхатовцы и что потом никто, даже сами мхатовцы, не сделал этого лучше. «И насколько это все же лучше, чем сидеть дома, среди всяческих удобств» и... не искать ничего, раз уже это было когда-то найдено.

Но вот Юрий Завадский и М. Яншин снова смело ставят «Чайку», и вы словно слышите: «Вперед, во славу искусства!».

Это мужество режиссеров надо гордо приветствовать.

Может быть, самое-самое трудное — открывать вновь, открывать в соответствии с властными требованиями нового времени то, что когда-то, для своего времени, было уже открыто.

На золотую доску почета надо вписать имена Юрия Завадского, Михаила Яншина и особенно мхатовских режиссеров, смело пробующих

открыть для нас в наши дни мир Чехова, после того как этот мир был гениально открыт во времена первых сценических интерпретаций и «Чайки», и «Дяди Вани», и «Трех сестер».

* * *

Постановка массового действия была моим первым выходом в открытое неизвестное мне море. Без всякого опыта. Никаких массовых действий я не видел. И ничего о них не читал. И никто мне ничего о них не рассказывал, хотя, как выяснилось позже, «массовые действия» ставились в первые годы Октябрьской революции во многих городах.

Сердца советских режиссеров (а режиссеры были главным образом инициаторами, организаторами и руководителями «массовых действий») были раковинной, в которой шумит океан. Движение огромных масс, патетическая музыка, героическое дыхание, масштабы событий, наводнение эмоций, мысли — как молнии, — все напоминало неистовую бурю времени.

В просторе грозных волн Революции птицами летели Корабли Воображения разных режиссеров страны. И старых, и новых. Я был из тех, кто вообще начинал впервые, буря звала и меня. Ее огромные волны поднимали вверх самые светлые, хотя подчас и очень неясные, расплывчатые и чрезмерно романтические представления о жизни.

Пусть так. Кому же и быть романтиками, как не молодым. Только романтической буре под силу воспеть победителей — вот этих бородастых солдат с винтовками на веревках, вот этих рабочих в кожанках.

Я поплыл на своем корабле туда, где было много тысяч зрителей. Гул их одобрения был слышен за несколько верст. И эти зрители не только смотрели, но были и соучастниками действия. И их фантазия не кормилась с ложки. Условность «действия» заставляла их фантазию действовать активно. У нового зрителя не вода, а кровь в жилах.

Есть один только величайший режиссер, у кого учились все. Имя ему — Революция!

Революция прежде всего совершалась на площадях и улицах, они становились местом и для праздников, торжественных шествий и представлений.

Довольно грошевых истин!

Из сердца старое вытри.

Улицы — наши кисти.

Площади — наши палитры...

— провозглашал великий поэт революции Владимир Маяковский.

Меня страшно увлекла Маяковский. Он поднял во мне бурю. Он будил во мне чувство времени. Он развил во мне страсть к мужественному. Он вдохнул в меня чувство беспрестанного творческого беспокойства, жажду поисков, желание искать свой путь, безбоязненность в творческих боях, стремление быть борцом в искусстве. Он каждым стихом, каждой фразой, каждым своим саженным шагом как бы говорил: «Смелей! Иди